

© Бевзюк Н. П.

9. Медведева Е.А. Основы информационной культуры (программа курса для вузов) // Социс. - 1994. - № 11. - С. 56 - 61.
10. Філософські абрисы сучасної освіти: Монографія / Авт.кол.: Предборська І., Вишинська Г., Г.Гайдаєнко, Гамрецька Г. Та ін.; За заг.ред. І.Предборської. – Суми: ВТД «Університетська книга», 2006. – 226 с.
11. Шеремет П.Г. Информатизація - шлях оновлення освіти // ПостМетодика. -1997. - № 1. - С.31 - 32.
12. Шолохович В.Ф. Информационные технологии обучения // Информатика и образование. - 1998. - № 2. - С. 5 -13.

Бевзюк Н.П. - кандидат исторических наук, доцент кафедры философии Одесского национального университета им. И.И. Мечникова
УДК 211.2:316.3

ВЧЕННЯ ПРО ПРИРЕЧЕННЯ І ПРОБЛЕМА СОЦІАЛЬНОГО ЖИТТЯ ЛЮДИНИ

Стаття присвячена релігійній засаді кальвінізму – вченню про приречення. Автор на основі джерел розглядає значення і роль цього вчення в соціальному і релігійному життю людини. Автор приходить до висновку, що кальвінізму, з його концепцією спасіння, не був чужим соціальний і релігійний імпульс систематизації життя, який неодмінно веде до його методичної раціоналізації.

Ключові слова: вчення про приречення, кальвінізм, вчення про причастя, гріх, рабство, воля людини.

УЧЕНИЕ О ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИИ И ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

Статья посвящена религиозной основе кальвинизма – учению о предопределении. Автор на основании источников рассматривает значение и роль данного учения в социальной и религиозной жизни человека. Автор приходит к выводу, что кальвинизму, в силу его концепции спасения, не был чужд социальный и религиозный импульс систематизации жизни, который неизбежно ведет к ее методической рационализации.

Ключевые слова: учение о предопределении, кальвинизм, учение о причастии, грех, рабство, воля человека.

THE DOKTRINE OF PREDESTINATION AND PROBLEM OF HUMAN SOCIAL LIFE

The article is devoted to the religious basis of Calvinism – the doctrine of predestination. Grounding on numerous sources the author considers the meaning and the role of this doctrine in social and religious life of a human being. The author comes to a conclusion that social and religious impulse of life systematization which inevitably leads to its methodic rationalization was alien to Calvinism due to its conception of salvation.

Key words: Doctrine of predestination, Calvinism, the teaching of Eucharist, sin, slavery, human will.

Верой, во имя которой в XVI и XVII вв. в наиболее развитых капиталистических странах — в Нидерландах, Англии, Франции — велась ожесточенная политическая и идеологическая борьба, был кальвинизм. Наиболее важным для этого учения догматом считалось учение об избранности к спасению. Часто спорили, является ли это учение «самым основным догматом» реформатства или лишь «придатком» к нему; сосредоточена ли в учении о предопределении главная опасность для государства. Возведение этого учения в ранг канонической значимости было главной задачей синодов

XVII в., прежде всего Вестминстерского, создавшего и утвердившего «Вестминстерского исповедание» 1647г. Именно это исповедание веры в полной мере отражает богословскую философскую основу в разработке учения о двойном предопределении:

Глава 9 (О свободе воли). № 3: «Грехопадение полностью лишило человека способности направлять свою волю на какие-либо духовные блага или на что-либо, ведущее к блаженству; таким образом, природный человек полностью отрешен от добра и мертв во грехе и поэтому не может по своей воле обратиться или даже приготовить себя к обращению».

Глава 3 (Об извечном решении Бога). № 3: «Бог решением своим и для проявления величия своего предопределил одних людей к вечной жизни, других присудил к вечной смерти» № 5: «Тех людей, которые предопределены к жизни, Бог еще до основания мира избрал для спасения во Христе и вечного блаженства по вечному неизменному намерению своему, тайным решением и свободной волей своей; и сделал Он это из чистой и свободной милости и любви, а не потому, что видел причину или предпосылку этого в вере, добрых делах и в любви, в усердии в чем-либо из перечисленного или в каких-либо других чертах сотворенных им созданий: свершил Он все это к вящей славе высокого милосердия своего". № 7: «И угодно было Богу по неисповедимым решению и воле Его, по которым Он дарует благодать или отказывает в ней, как угодно будет Ему, для возвеличения неограниченной власти своей над творениями своими лишить остальных людей милости своей и предопределить их к бесчестию и гневу за грехи их во славу своей высокой справедливости»

Глава 10 (О действительном призвании). № 1: «И угодно Богу тех, коих он определил к вечной жизни, и только их, в назначенный и подходящий час призвать посредством слова и духа Его... Он вынет из их груди каменное сердце... и даст им сердце живое, Он обратит их волю и предназначит их для блага всемогуществом своим...»

Глава 5 (О провидении). № 6: «Злонамеренных и безбожников, которых Бог, праведный судья, ослепляет и ожесточает за прежние грехи, он не только лишает милости своей, которая осветила бы разум их и смягчила бы их сердца, но подчас отнимает у них и те достоинства, которые они имеют; Он ставит на их пути такие преграды, которые в силу испорченности этих людей становятся для них поводом к греху, Он предаёт их собственным их порокам, мирским искушениям и власти Сатаны. Таким образом, они сами себя ожесточают, даже теми средствами, которыми Бог пользуется, чтобы смягчить сердца других людей». [2]

Важнейшим тезисом учения Кальвина является отказ от всякого дуализма между миром природы и миром благодати, между миром потаенных и Богом явленных, между законом Ветхого Завета и Богом Нового Завета. Кальвин провозглашает активную веру, которой могут жить только избранные. Они предопределены, следовательно, спасены или осуждены божеством сами того не зная и не имея возможности своим поведением изменить его решение. Таким образом, то, что должно произойти и то что, произойдет - должно произойти и это уже определено вне зависимости от нашего желания и воли. «Итак, кого хочет, милует, - говорит апостол Павел, - а кого хочет, ожесточает» (Рим.: 9.18). Этот тезис предопределения, согласно которому Бог разделит людей непреодолимой пропастью. Утверждения, приведенные Дордрехтским и Вестминстерским синодами, как и все учение Кальвина в разной степени существуют и в других религиозных системах. Но то, что создал, ввел и обосновал в качестве догматического учения Кальвин, является уникальным явлением. Главная уникальность состоит в том, что в отличие от других религиозных систем, где оправдание своего существования возможно, а достижение «Царства Божия» мыслимо как реальная цель, то у кальвиниста нет выхода из того положения, в котором он пребывает изначально, т.к. «протестант, - пишет Московичи, - не имеет возможности прибегать к магии и никакой священник не может принести ему утешения» [5, с. 247]. Перед лицом такого сурового Бога, имеющего необъяснимые намерения, последователь Кальвина, если он действительно был святым, должен был скорее ощущать себя пополняющим ряды людей, обреченных на мучение в «гиене огненной», чем допущенных в малое число избранных, которые войдут в рай. Никто не может ему оказать никакой помощи, поскольку сам Сын Божий умер только за избранных. Смерть Христа, как говорилось ранее верующим, не искупила грех человеческий, но они осуждены на вечные муки. Суверенный в своем одиночестве верующий не ведал и не предполагал радостей невиновности. Будучи бессильным влиять на свое спасение, так же, как будучи бессильным знать свою судьбу, человек, предопределенный раз и навсегда в своем бытии, он избирает фатализм в качестве логического решения своей судьбы. Следы влияния учения о предопределении мы находим во всех элементарных чертах жизненного поведения и мировоззрения, даже там, где его догматическая значимость уже исчезла, ибо это учение было лишь самой крайней формой того исключительного доверия к Богу, которое могло появиться в результате абсолютной и непререкаемой веры в

Бога. Примером может служить часто повторяющееся, прежде всего в английской пуританской литературе, предостережение не полагаться ни на помощь людей, ни на их дружбу; призыв к глубокому недоверию по отношению к самому близкому другу, либо никому не доверять и никому не сообщать ничего компрометирующего о себе: доверять следует одному Богу. В соответствии с этой настроенностью там, где господствовал кальвинизм, незаметно была отменена исповедь, что являло собой резкое противоречие лютеранству. У Кальвина исповедь вызывала сомнение лишь постольку, поскольку ей могло быть дано неверное сакраментальное истолкование. Это было событием чрезвычайной важности. Прежде всего, оно было не только симптомом, характерным для воздействия этой религиозности, но и психологическим импульсом для определения ее этической позиции. «Общение кальвиниста с Богом, - пишет Вебер, - происходило в атмосфере полного одиночества, несмотря на то, что принадлежность к истинной церкви рассматривалось как необходимое условие спасения» [1, с.144]. Именно эта комбинация чрезвычайно важна для понимания психологической основы кальвинистской социальной организации. Она полностью объясняется личными индивидуалистическими мотивами, рациональными с точки зрения «цели» или «ценности». Отношение индивида никогда не бывает в этом случае эмоционально окрашенным: «Слава Божья» и собственное спасение всегда остаются над порогом сознания или вне компетенции сознания.

На первый взгляд представляется проблематичным: как тенденция к внутреннему освобождению человека от тенет мира может сочетаться в кальвинизме с несомненным превосходством его социальной организации. Вполне вероятно предположение, что для социальной организации реформатства большое значение имела кальвинистская идея, согласно которой для спасения души необходимо состоять в какой-либо соответствующей заповедям Господним общине, ибо это явствует из требования «приобщиться телу Христову. Мы не сомневаемся, что такие люди почувствовали сладость Слова и возжелали принять его, однако своим лицемерием они обманывают не только окружающих, но и свои собственные сердца» [4, с. 24]. Сама по себе эта идея не способна оказывать такое психологическое воздействие, которое породило бы инициативу в деле образования общин и придало бы этой инициативе ту силу, которой обладал кальвинизм. Ведь социальная тенденция кальвинизма, которая находила свое выражение в образовании общин, проявлялась и в «миру», вне рамок богоустановленной церковной организации. Решающим является то, что христианин доказывает факт своего избранничества посредством деятельности во имя славы Божьей. Христианин, которому дорого его избранничество, руководствуется целью, поставленной перед ним Богом, а такая цель может быть только безличной. Все чисто эмоциональные, то есть не обусловленные рационально, личные отношения между людьми очень легко вызывают в протестантской, как и в любой аскетической, этике подозрение в том, что они относятся к сфере обожествления рукотворного. В связи с этим уместно следующее предостережение: дружба - акт иррациональный, ибо разумному существу не следует любить кого-либо сильнее, чем это допускает разум. Это чувство часто настолько переполняет сердца людей, что мешает им любить Бога. Кальвинистов воодушевляла идея, что Бог, создавая мир, и в социальном устройстве желал объективной целесообразности как одного из путей приумножения своей славы: не тварь как таковая, а устройство сотворенного по воле Его. Поэтому активность святых, освобожденная учением о предопределении, всецело направляется в русло рационализации мира. В частности, и идея, согласно которой «общественное благо», со слов апостола Павла, что «я желал бы сам быть отлученным за Христа за братьев моих, родных мне по плоти» (Рим: 9. 3), — «благо большинства» следует ставить выше личного или частного блага отдельных людей. Это превосходство является прямым следствием той специфической окраски, которую принимает христианская «любовь к ближнему» под влиянием внутренней отъединенности человека, свойственной кальвинистской вере. Это следствие носит догматический характер. Мир существует для того и только для того, чтобы служить прославлению Бога. «Человеческая душа, - отмечает Тиллих, цитируя Кальвина, - это не только фабрика идолов (как заметил Кальвин), это также фабрика страха: первая нужна для того, чтобы скрыться от Бога, вторая - чтобы скрыться от тревоги» [6, с. 196]. Христианин-избранник существует для того, и только для того, чтобы осуществлять в своей мирской жизни заповеди во славу Всевышнего. Богу угодна деятельность христианина, ибо Он хочет, чтобы социальное устройство жизни соответствовало его заповедям и поставленной цели. Социальная деятельность кальвиниста в миру — деятельность «Во славу Божию». «Любовь к ближнему» - есть вынужденная разумная необходимость, мыслимая только как служение Богу, а не твари, находит свое выражение, в первую очередь, в выполнении личного профессионального долга, данного как естественный порядок. При этом «любовь к ближнему» обретает своеобразный объективно безличный характер, характер деятельности, направленной на

рациональное преобразование окружающего нас социального космоса. Так как поразительно целесообразное устройство этого космоса, который и по библейскому откровению, и по самой природе вещей, предназначен для того, чтобы идти на «пользу» роду человеческому, позволяет расценивать эту безличную деятельность на пользу общества, как угодную Богу и направленную на приумножение славы Его. Полное исключение проблемы теодицеи и всех вопросов о «смысле» мира и человеческой жизни, которые служили другим темой столь мучительных раздумий, было для пуританина чем-то само собой разумеющимся. В кальвинизме к этой экономии духовных и душевных сил присоединяется еще одна действующая в том же направлении черта. Кальвинизму неизвестен разлад между «отдельным человеком» и «этикой», хотя в вопросах религии кальвинистская вера предоставляет индивида полностью самому себе. Однако следует указать на то, что оно определило утилитарный характер кальвинистской этики и ряд своеобразных черт кальвинистской концепции профессионального призвания.

Кальвин ощущал себя «орудием» Бога и не сомневался в своей избранности. Поэтому на вопрос, каким образом человек может удостовериться в том, что он избран, у него был, по существу, лишь один ответ: надо удовлетвориться знанием о существовании Божьего решения и постоянным упованием на Христа, которое дает истинная вера. Кальвин полностью отвергает предположение, согласно которому по поведению людей можно определить, избраны они или осуждены на вечные муки — такого рода попытки представляются ему дерзостным желанием проникнуть в тайный промысел Божий. «Господь принимает как своих детей тех, - пишет Кальвин, - кого он избирает, и по своей воле становится их Отцом. Призывая их, Он вводит их в свою семью, соединяется с ними, так что Бог и дети его становятся единым целым. Писание, объединяя призвание с избранием, показывает тем самым, что искать следует лишь милости Божией, которая дается даром» [4, с. 419]. В земной жизни избранные внешне не отличаются от отверженных. Избранные образуют невидимую церковь Божью и остаются ею. Для них «уверенность в спасении» в смысле возможности установить факт избранности приобрела абсолютную, превышающую все остальные вопросы значимость, повсюду, где господствовало учение о предопределении, обязательно вставал вопрос о существовании верных признаков, указывающих на принадлежность к кругу «избранных».

Этот вопрос в течение долгого времени играл первостепенную роль не только в развитии выросшего на почве реформатской церкви пиетизма, для которого он в известный период был основополагающим. Это было очень хорошо продемонстрировано в учении о причастии и в применении его на практике: какую роль играл в избранности данного индивида вопрос о допущении его к причастию, то есть к главному таинству, которое в течение всего XVII в. имело решающее значение для социального положения причащающихся. Пропасть эта была принципиально более непреодолимой и значительно более жуткой в своей нереальности, чем та видимая преграда, которая отделяла средневекового монаха от профанного мира. Она глубоко врезалась во все сферы социальной жизни, ибо божественная милость, дарованная избранным и поэтому «святым», требовала не снисходительности к грешнику и готовности помочь ближнему своему в сознании собственной слабости, а ненависти и презрения к нему, как к врагу Господню, отмеченному клеймом вечного осуждения. Подобное ощущение могло достигать такой степени напряженности, что в известных условиях приводило к образованию сект. Происходило это тогда, когда исконный кальвинистский тезис, согласно которому отверженные должны быть во славу Божью подчинены церковному закону, вытеснялся убеждением, что присутствие в пастве не-возрожденных, принятие ими святых даров или совершение ими таинств в качестве священников оскорбляет величие Господне. Другими словами, происходило это тогда, когда идея утверждения в вере приводила к донатистскому пониманию сущности церкви, как это произошло у баптистов кальвинистского толка. Однако и там, где требование «чистой» церкви в виде общины возрожденных, утвердившихся в своем спасении, не было последовательно проведено и не привело к образованию сект, наблюдались различные попытки преобразования церковного устройства. В их основе лежало стремление отделить возрожденных христиан от не-возрожденных, не готовых принять причастие, стремление предоставить возрожденным исключительное право осуществлять церковное управление и вообще поставить их в особое положение, допуская лишь их к должности проповедника. Но все эти религиозно-церковные перипетии есть лишь результат несовершенства церковного устройства, положившего в основу иррациональное правило поведения. «Религиозное отношение есть особенность, - пишет Гегель, - которую со стороны человека можно назвать случайной, ибо все конечное внешне абсолютной силе и не содержит в себе никакого положительного определения. Однако эта особенность религиозного отношения есть не какая-то особенность наряду с другими, а исключительное, бесконечное преимущество. Из-за этих определений отношение выступает таким образом, что этот народ принимается Богом при условии, что он испытывает, прежде всего, глубокое чувство зависимости, т.е. рабства.это единство установлено внешним

образом, в договорі» [3, с.116]. То є рабство, регламентоване Ветхим и Новим Заветами, в качестве добровольного возложения на себя ига.

Совершенно невозможно было удовлетвориться указанием Кальвина, формально не отвергнутым ортодоксальной доктриной кальвинизма, согласно которому доказательством избранности служит устойчивость веры, возникающая как следствие благодати. Подлинное кальвинистское учение говорит о вере и сознании приобщения к Богу посредством святых даров и лишь мимоходом упоминает об «иных плодах духа». Кальвин решительным образом отрицал, что добрые дела свидетельствуют о милости Божьей, хотя вместе с тем он, как и лютеране, считал их плодами веры. «Называя веру делом Божьим и присовокупляя к этому слова «благоволение благодати», что означает даваемую даром милость, апостол показывает нам, что она не является делом человека... так вера не зависит от человеческой мудрости, но основана на силе Духа» [4, с.52]. Поворот к испытанию веры делами, характерный для аскезы, идет параллельно с постепенным изменением учения Кальвина, который (как и Лютер) полагал, что истинность церкви узнается в первую очередь по чистоте учения и таинствам. Это было невозможно в рамках душеспасительной практики, повсеместно наталкивающейся на муки, порожденные этим учением. Если отвлечься от прямого преобразования учения об избранности к спасению, от его смягчения или, по существу, отказа от него, то речь может идти о двух взаимосвязанных типах душеспасительных назиданий. В одном случае верующему вменяется в прямую обязанность считать себя избранником Божьим и прогонять сомнения как дьявольское искушение, ибо недостаточная уверенность в своем избранничестве свидетельствует о неполноте веры и, следовательно, о неполноте благодати. Увещания апостола об «упрочении» своего призвания здесь толкуются, следовательно, как обязанность завоевать в повседневной борьбе субъективную уверенность в своем избранничестве и в своем оправдании. На смену смиренным грешникам, которым Лютер сулил Божью милость, если они, преисполненные веры и раскаяния, вверят себя Богу, теперь в лице непреклонных купцов героической эпохи капитализма приходят выпестованные пуританизмом «святые». В другом случае, - в качестве наилучшего средства для обретения внутренней уверенности в спасении рассматривается неутомимая деятельность в рамках своей профессии. Она и прогоняет сомнения религиозного характера, и дает уверенность в своем избранничестве. Влияние глубоко религиозной и вместе с тем трезвой жизненной мудрости, содержащейся в наиболее читаемых пуританами книгах Библии — в Притчах Соломоновых и в некоторых псалмах, — ощущается во всем жизненном настроении пуритан. В этом прослеживается специфически рациональный характер кальвинизма, устранение мистической и вообще всей эмоциональной стороны религиозности к влиянию Ветхого завета. Сам по себе воспринятый кальвинистами ветхозаветный рационализм был, по существу, традиционалистским и отличался не только от высокого пафоса пророков и многих псалмов, но и от тех разделов Библии, которые уже в Средние века служили отправным пунктом для развития специфически эмоционально окрашенной религиозности. Следовательно, и здесь в конечном итоге проступают те же, свойственные кальвинизму, аскетические черты, которые привели к тому, что кальвинизм искал в Ветхом завете соответственные ему идеи и ассимилировал их.

Систематизация в сфере практической, жизненной этики находит в кальвинизме свое внешнее выражение в том способе, посредством которого «педантичный» пуританин постоянно контролирует свое избранничество. Лютеранская вера не отвергала столь решительно проявлений непосредственной, инстинктивной жажды жизни и наивной эмоциональности — в ней полностью отсутствовал тот импульс к постоянному самоконтролю и, следовательно, вообще к планомерной регламентации своей жизни, который характеризует суровое кальвинистское учение. Религиозному гению, каким был Лютер, легко дышалось в атмосфере свободного принятия мира, он не подвергался угрозе впасть в природное состояние. Для рядового лютеранина, даже наиболее правоверного, было само собой разумеющимся, что он возвышается над природным состоянием лишь на определенный срок, пока действует сила покаяния или проповеди. Это объясняется различиями жизненного уклада, которые в значительной степени коренятся в том, что лютеранство в меньшей степени, чем кальвинизм, заполняло жизнь аскетическим содержанием. Лютеранству, именно в силу его концепции спасения, был чужд тот психологический импульс систематизации жизни, который неизбежно ведет к ее методической рационализации. Этот импульс, обуславливающий аскетический характер набожности, безусловно, мог возникнуть под влиянием самых различных религиозных мотивов: кальвинистское учение о предопределении было лишь одной из возможностей. Однако мы уже могли убедиться в том, что это учение отличалось не только исключительной последовательностью, но и способностью оказывать громадное психологическое воздействие. При всех отклонениях в каждом отдельном случае и при всем различии в степени акцентирования аскетическими общинами интересующих нас черт эти черты

© **Большакова О.В.**

существовали во всех общинах такого рода и повсюду оказывали определенное воздействие. Решающим было то обстоятельство, что во всех разновидностях аскетических течений «состояние религиозной избранности» воспринималось как своего рода сословное качество (социальный статус), ограждающее человека от скверны рукотворного, от «мира». Гарантией этого состояния независимо от того, каким образом оно достигается в соответствии с догматическим учением, служит не какое-либо магически-сакральное средство, не отпущение грехов после исповеди, не отдельные благочестивые поступки, а одно лишь утверждение избранности посредством специфического по своему характеру поведения, коренным образом отличающего избранника от «природного» человека.

Между тем религиозная деятельность избранного и предопределенного человека в своем логическом развитии приводит его не только и не столько к созданию сект, сколько создает благоприятную почву для создания «общества одиночек», отчужденных от психологической и социальной необходимости связи с обществом. Кальвинистский адепт религиозной доктрины есть только экономический человек, предназначенный для выполнения далеких от социальной организации общества, основанных на духовных автономных от экономики и прагматизма, принципах. Для кальвиниста нет религиозного призвания, т.к. его религиозный статус и его место в религиозно-сакральной ситуации «Я» и «Бог» уже решен раз и навсегда. Все, что может, а, следовательно, и должен сделать кальвинист в разрешении сложности существующего общества, частью которого он является, это экономически оправдать свое существование.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма./ М. Вебер; пер. с нем. Давыдова. Ю.Н. - М.: Прогресс. 1990. – 808 с.
2. Вестминстерское исповедание веры. – М. Изд-во «Реформация» (Пресвитерианская церковь Шотландии), 2011.- 480с.
3. Гегель В.Г.Ф. Лекции по философии религии. В 2-х тт., Т.2 / Г.В.Ф. Гегель; пер. с нем. Гайденко П.П. - М.: Мысль, 1977. – 573 с.
4. Кальвин Ж. Наставление в христианской вере. Т.2, кн.3. / Ж. Кальвин; пер с фр. и с англ. Бакулов А.Д. - М.: Издательство РГГУ, 1998. - 480 с.
5. Московичи С. Машина творящая богов. / С.Московичи; пер. с фр. Емельяновой Т.П. - М.: Центр психологии и психотерапии. 1998. – 560 с.
6. Тиллих П. Мужество быть// П.Тиллих Избранное. Теология Культуры. Пре. с англ. Вевюрко Т.И. М.: Юрист. 1995, с. 7-131.

Большакова Ольга Віталіївна – здобувач кафедри філософії та соціології Державного закладу «Південноукраїнський національний педагогічний університет імені К.Д. Ушинського».

УДК: 1+316.3+34+316.4

СОЦІАЛЬНО-ФІЛОСОФСЬКЕ ОСМИСЛЕННЯ СУБ'ЄКТИВНОГО ТА СУБ'ЄКТНОГО В ПРАВОВІЙ СВІДОМОСТІ.

Досліджується суб'єктивне та суб'єктне як невід'ємні якості правової свідомості, наголошується на принциповій різниці суб'єктивного та суб'єктного в правовій свідомості

Ключові слова: *правова свідомість, суб'єктивне, суб'єктне, суб'єкт, об'єктивне.*

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ СУБЪЕКТИВНОГО И СУБЪЕКТНОГО В ПРАВОВОМ СОЗНАНИИ

Исследуется субъективное и субъектное как неотъемлемые качества правового сознания, акцентируется внимание на том, что субъективное и субъектное - это принципиально разные качества правового сознания

Ключевые слова: *правовое сознание, субъективное, субъектное, субъект, объективное*